

УДК 343.1

DOI 10.55346/27825647_2023_2_05

Разина Е. В.

кандидат педагогических наук,
декан юридического факультета,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
г. Сочи, Россия

© 2023

Дата приема:
01.03.2023

Ратьков А. Н.

кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Авторы, проанализировав существующие определения категории «уголовная ответственность», приходят к выводу о правильном подходе к ее пониманию как многоэлементного явления, реализующегося только в результате уголовно-процессуальной деятельности, направленной на привлечение лиц к уголовной ответственности. Практическое значение правильного теоретического определения исследуемой категории они показывают на примере таких составов преступлений, как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) и незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). В результате анализа этих составов преступления обосновывается вывод о моменте их окончания и предлагаются изменения редакции ст. 300 УК РФ с целью устранения разночтений в определении момента окончания незаконного освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; состав преступления; обязанность; осуждение; наказание; судимость; уголовное преследование; возбуждение уголовного дела; прекращение уголовного дела; привлечение в качестве обвиняемого.

Понятие уголовной ответственности является дискуссионным на протяжении длительного времени. Распространена точка зрения о том, что уголовная ответственность представляет собой обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения [1, с. 25; 2, с. 55; 3, с. 3; 4, с. 72-73].

Сторонники другого подхода отмечают, что это «реакция государства на совершение преступления, выражающаяся в осуждении преступного поведения лица государством и принудительном ограничении или лишении прав виновного лица, осуществляемом в рамках уголовного преследования» [5, с. 479]. Г. Г. Криволапов государственное осуждение (порицание) относит к начальному моменту уголовной ответственности, но «привязывает» его к вынесению судом обвинительного приговора. «До этого момента, — утверждает он, — имеет место юридическая обязанность — нести ответственность как структурный элемент уголовно-правового отношения. Реализация же указанной обязанности начинается лишь с осуждения виновного» [6, с. 72].

Известной является позиция ученых и о том, что уголовная ответственность — это совокупность уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений, опосредующих и выражающих государственно-принудительное воздействие на лицо, нарушившее закон [7, с. 71; 8, с. 177; 9, с. 48].

Перечисление точек зрения на сущность уголовной ответственности можно продолжать и продолжать. М. В. Лапатников и Н. В. Летёлкин, например, отметив в своем исследовании огромный разброс мнений и позиций по поводу содержания данной категории, обобщая более или менее схожие из них, определили не менее шести основных подходов к пониманию уголовной ответственности [10, с. 80–81].

Но, чем дальше, тем чаще от односложных дефиниций этой категории ее исследователи переходят к развернутому, «многоэлементному» понятию данного явления. В одном из учебников по уголовному праву, например, дается такое определение этому феномену: уголовная ответственность является «сложным социально-правовым последствием совершения преступления, которое включает четыре элемента: во-первых, основанную на нормах уголовного закона и вытекающую из факта совершения преступления обязанность лица дать отчет в содеянном перед государством в лице его уполномоченных органов; во-вторых, выраженную в судебном приговоре отрицательную оценку (осуждение, признание преступным) совершенного деяния и порицание (выражение упрека) лица, совершившего это деяние; в-третьих, назначенное виновному наказание или иной меры уголовно-правового характера; в-четвертых, судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием назначенного наказания» [11, с. 53].

Такие же элементы уголовной ответственности приводит и Н. Н. Ковтун, проанализировавший все правовые позиции, высказанные в науке материального права о сущности рассматриваемой категории. При этом в его исследовании они приобретают следующие последовательность и наименования: «ответственность-обязанность», «ответственность-осуждение», «ответственность-наказание» и «ответственность-судимость» [12, с. 38].

Суть элемента «ответственность-обязанность», исходя из концепции ее сторонников, он видит в том, что именно в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возникает объективная обязанность лица, совершившего преступление, дать ответ за содеянное в форме осуждения, наказания и судимости.

Смысл элемента «ответственность-осуждение» в трактовке Н. Н. Ковтуна заключается в публичном (от имени государства) осуждении, порицании общественно опасного деяния и совершившего его лица в форме признания деяния преступлением, а лица преступником.

Элемент «ответственность-наказание» раскрыт цитатами приверженцев именно такого понятия уголовной ответственности (И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшина, А. Б. Сахарова, О. Э. Лейста, А. Ф. Черданцева), утверждавших, что вся правовая ответственность состоит в применении к правонарушителю юридических санкций, в том числе наказания, без которого нет уголовной ответственности.

Особенность позиции «ответственность-судимость» вытекает из того, что, даже полностью отбыв наказание, лицо, совершившее преступление, достаточно длительный период может (должно) оставаться в правовом и фактическом положении обязанного перед государством и реально претерпевать негативные последствия судимости как объективного правового состояния личности.

Интересен вывод автора по итогам обобщения существующих позиций: «... элементы уголовной ответственности нельзя (и не надо!) противопоставлять друг другу, поскольку, потенциально присутствуя в этом явлении, они проявляются не все и не сразу, а по мере развития уголовно-правового отношения. Последнее, в свою очередь, в состоянии объективироваться исключительно посредством отношений уголовно-процессуальных — как единственного средства указанной объективации...» [12, с. 38]. После такого заключения уместно привести суждения различных авторов, помимо чаще всего цитируемого К. Маркса, о взаимосвязи уголовного права и процесса. Представитель уголовного материального права А. В. Наумов соотношение этих двух отраслей законодательства характеризует следующим образом: «... без норм уголовно-процессуального права, приводящих в действие уголовно-правовые нормы, последние существовали бы только на бумаге» [13, с. 94]. Он же вместе с известным американским юристом, профессором Колумбийского университета Дж. Флетчером приходят к выводу о том, что «... нормы материального уголовного права определяют вину в принципе, а нормы уголовного процесса — вину фактическую» [14, с. 78]. Известный процессуалист А. Д. Бойков, касаясь этого вопроса, утверждает: «Общеизвестной является мысль о том, что уголовный процесс есть единственно возможный способ реализации уголовного закона. Уголовный закон, призванный оградить личность, общество и государство от преступных посягательств, мертв, пока не будет в рамках процессуального права возбуждено, расследовано и рассмотрено дело о преступлении и вине преступника» [15, с. 90].

А раз это так, то и уголовная ответственность будет «мертва», пока в рамках уголовного процесса не будут предприняты предписываемые уголовно-процессуальным законом действия. Неспроста мэтр, или как его еще называют, патриарх российского уголовного процесса М. С. Строгович разделял уголовную ответственность в материально-правовом смысле, основанием которой является «действительная и доказанная вина», и процессуальную уголовную ответственность, выражающуюся в вынесении «акта, которым гражданин ставится в положение обвиняемого по уголовному делу». Исходя из этого, процессуальная уголовная ответственность рассматривалась им как необходимая предпосылка для реализа-

ции материально-правовой уголовной ответственности [16, с. 16]. И в таком подходе к пониманию уголовной ответственности он был не одинок¹.

Обоснованность выводов о необходимости понимания уголовной ответственности как многоэлементного явления, реализуемого посредством поэтапной деятельности в ходе уголовного судопроизводства, нагляднее всего, как представляется, можно увидеть при анализе деяний, признаваемых преступлениями, в случае привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) и в случае незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). Именно в этих ситуациях для принятия правильных практических решений огромное значение приобретает теоретическое обоснование сущности уголовной ответственности. Именно эти составы преступлений наиболее ярко демонстрируют невозможность их применения в отрыве от уголовного процесса. И еще, о чем они свидетельствуют в первую очередь, так это о несостоятельности воззрения на уголовную ответственность как на ответственность, наступающую только со вступлением обвинительного приговора суда в законную силу. Если до приговора суда уголовная ответственность еще не проявилась, то, как можно усматривать состав преступления в действиях следователя и дознавателя за незаконное привлечение или освобождение от того, что еще не наступило. Исходя из смысла составов преступлений, предусмотренных ст. 299 и 300 УК РФ, их субъектами выступают лица, наделенные УПК РФ правом на осуществление предварительного расследования (следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания). Раз они могут — в нашем случае незаконно — или привлечь к уголовной ответственности, или освободить от нее, значит, законодатель признает наличие уголовной ответственности задолго до того, как будет вынесен приговор по делу.

Когда в теории уголовного права нет четкого ответа на вопрос о моменте начала действия уголовной ответственности, то и на практике проблематично определить, когда конкретно состоялось привлечение к этому виду ответственности и что является моментом освобождения от нее. Отчасти и поэтому, как в комментариях к ст. 299 УК РФ, так и в учебной литературе, момент окончания преступления в виде привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности трактуется по-разному. Например, некоторыми авторами обтекаемо моментом окончания преступления указывается вынесение постановления и предъявление обвинения. При этом они не раскрывают, что конкретно понимать под предъявлением обвинения [17, с. 542; 18, с. 324]. «Преступление считается окончанным, — пишут приверженцы этой точки зрения, — в момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения» [17, с. 542]. «Объективная сторона состава, — дополняют авторы другого комментария, — заключается в незаконных действиях — привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности. Это привлечение состоит из двух действий: вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения лицу. Преступление окончено с момента совершения указанных действий» [19, с. 558]. В этих

¹ См., например: Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и судебный приговор: монография. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. — С. 14; Лившиц, Ю. М. Материальное содержание основания уголовной ответственности // Правоведение. — 1963. — № 3. — С. 156.

разъяснениях не учитывается то, что согласно УПК РФ вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и его предъявление могут быть разорваны во времени. А вся процедура привлечения лица в качестве обвиняемого включает в себя и третий этап: немедленный допрос обвиняемого после предъявления ему постановления и разъяснения сущности обвинения (ст. 172–173 УПК РФ). Без совокупности этих действий нельзя считать, что привлечение в качестве обвиняемого состоялось.

Выводы других авторов на предмет окончания этого же преступления более конкретны, но противоположны друг другу.

Так, делается заключение о том, что данное преступление окончено с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого независимо от времени предъявления обвинения этому лицу [20, с. 110–111; 21, с. 593], в то время как другие считают, что окончено оно может быть только фактом предъявления лицу сформулированного в постановлении обвинения [22, с. 691–692; 23, с. 605]. «Если по тем или иным причинам акт предъявления лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого не состоялся, — указывают сторонники этой позиции, — следует считать, что привлечение лица к уголовной ответственности не имело места» [22, с. 692]. Б. В. Коробейников, также сторонник этого взгляда, уточняет в своем комментарии к данной статье УК РФ: «Если было вынесено только постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, то состав преступления не будет считаться оконченным, так как без предъявления этого обвинения «привлечения» еще не произошло» [24, с. 747].

Уже упоминавшиеся М. В. Лапатников и Н. В. Летёлкин один из выводов своего исследования, посвященного дискуссионным вопросам соотношения уголовной ответственности и привлечения лица в качестве обвиняемого, формулируют следующим образом: «Несмотря на указанное разнообразие в подходах, большинство исследователей едины в том, что уголовная ответственность начинается задолго до судебного решения о виновности лица в совершении преступления. Большинство правоведов связывают начало привлечения к уголовной ответственности с этапом привлечения лица в качестве обвиняемого. Именно этот взгляд мы определяем доминирующим, как в советской, так и в российской уголовно-правовой и процессуальной науке» [10, с. 81]. Однако и в таком случае, как мы увидели, «стартовая площадка», запускающая процедуру привлечения к уголовной ответственности, должна быть конкретизирована. В перечисленных позициях окончания состава преступления, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, правильной можно было бы признать ту, в которой обосновывается окончание преступления с момента предъявления лицу постановления о его привлечении в качестве обвиняемого, которым он становится после вынесения постановления (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Согласно требованиям УПК РФ, в этот момент уполномоченное лицо разъясняет обвиняемому сущность обвинения и, таким образом, до конца проявляет свой умысел придать юридическую силу заведомо для него незаконному процессуальному акту с целью привлечь к уголовной ответственности невиновное лицо.

Но, во-первых, все указанные ситуации имеют отношение только к предварительному следствию. Порядок придания статуса обвиняемого в процессе расследо-

вания уголовного дела — хоть в форме дознания в общем порядке, хоть в сокращенной форме дознания — совсем другой. Следовательно, к этим случаям названный момент начала привлечения к уголовной ответственности не подходит. Судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ, к. ю.н., доцент П. Е. Кондратов, являясь автором комментария к рассматриваемой статье УК РФ, затрагивает уже и деятельность дознавателя, указывая, что объективная сторона в этом случае выражается ... в составлении и утверждении обвинительного акта. В пункте 4 своего комментария он разъясняет: «Преступление признается оконченным с момента подписания следователем, дознавателем постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹ или составления дознавателем обвинительного акта, так как в силу ч. 1 ст. 47 УПК именно с момента вынесения этих процессуальных решений лицо признается обвиняемым, независимо от того, было ли обвинение предъявлено обвиняемому и наступили ли для последнего какие-либо неблагоприятные последствия» [25, с. 908–909]. Такая позиция применительно к следователю рассматривалась выше и более правильным нами признан другой подход, обосновывающий необходимость не только вынести эти процессуальные акты, но и предъявить их.

Во-вторых, если исходить из всеми признаваемого элемента уголовной ответственности, заключающегося в необходимости лица, испытывающего на себе ее действие, претерпевать лишения личного или имущественного характера, нести определенные лишения и ограничения прав, предусмотренных законом, то момент начала действия уголовной ответственности может наступить гораздо раньше момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Особенно это актуально при современном порядке расследования уголовного дела в форме дознания, при котором обвинение формулируется в самом конце дознания, когда выполнены все необходимые следственные и другие процессуальные действия, собрана достаточная совокупность доказательств, подтверждающих предварительную виновность лица в инкриминируемом ему деянии. За время расследования, до предъявления обвинения, составления обвинительного акта (при дознании в общем порядке) или обвинительного постановления (при дознании в сокращенной форме), незаконно привлекаемое к уголовной ответственности лицо уже может «натерпеться» от примененных к нему на основании закона различных мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, избрание меры пресечения, отстранение от занимаемой должности, арест имущества и т. п.) или от участия в других процессуальных действиях (выемка, обыск, освидетельствование, очная ставка, получение образцов для сравнительного исследования и т. п.). Если после всего этого, допустим, будет выявлен злой умысел следователя, дознавателя и они не успеют вынести названных процессуальных актов, то и привлечение их по ст. 299 УК РФ не состоится? Они не совершили никаких общественно вредных действий по привлечению заведомо невиновного к уголовной ответственности? Фактически невиновный человек не прочувствовал на себе до придания ему статуса обвиняемого никаких лишений и ограничений? Уголовная ответственность его еще не коснулась? Вопросы оказываются риторическими.

¹ Право вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявить его в порядке, прописанном для следователя, дознавателю предоставляется лишь в исключительных случаях, поэтому нет необходимости в рамках статьи останавливаться на этой процедуре.

Е. Н. Бархатова, например, отталкиваясь от понимания уголовной ответственности как возникающей с момента привлечения лица в качестве обвиняемого обязанности отвечать за совершенное им преступление, в эту обязанность включает возможность подвергаться применению мер уголовно-процессуального принуждения [26, с. 134]. Да, но только возможность подвергаться применению мер уголовно-процессуального принуждения на законных основаниях возникает и до момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Меры процессуального принуждения могут применяться и к подозреваемому (ст. 100 УПК РФ). А принудительный «заряд» некоторых процессуальных действий, не являющихся мерами принуждения и допускаемых до придания лицу статуса обвиняемого в отношении фактически любых участников, нисколько не меньше отдельных мер принуждения (выемка, обыск, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров и т. п.). То есть, лишения и ограничения личного и имущественного характера (суть уголовной ответственности) участник расследования уголовного дела испытывает задолго до момента, когда следователь или дознаватель сочтут необходимым придать конкретному участнику расследования статус обвиняемого.

В целях конкретизации момента возникновения уголовной ответственности, прежде всего для практических нужд, осмелимся предложить следующее. Поскольку уголовный материальный закон основанием уголовной ответственности закрепляет наличие в деянии всех признаков конкретного состава преступления (ст. 8 УК РФ), а уголовно-процессуальный закон установление признаков состава преступления достаточными данными называет основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), вполне обоснованно, представляется, моментом возникновения уголовной ответственности считать момент установления состава преступления, а процессуальным актом, устанавливающим начало реализации уголовной ответственности, следует признать постановление о возбуждении уголовного дела. Именно постановление о возбуждении уголовного дела является правовым основанием применения процессуальных средств, существенно ограничивающих права и свободы привлекаемого лица, т. е. вызывающих последствия, представляющие собой суть содержания уголовной ответственности.

Следовательно, моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, будет являться факт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. А вот в случае возбуждения уголовного дела не в отношении конкретного лица, а по факту преступного деяния, моментом окончания незаконного привлечения к уголовной ответственности будет выступать момент предъявления лицу обвинения в совершении преступления, которого это лицо не совершало.

Практически такой же вывод был сделан одним из авторов данной статьи еще в 2007 году [27, с. 73–74], и, получается, он по-прежнему остается актуальным. На таком же моменте окончания преступления в виде привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности стали настаивать и авторы некоторых современных учебников по уголовному праву. Так, Л. А. Прохоров и М. Л. Греков в обоснование своего суждения о том, что данное преступление считается оконченным с начала уголовного преследования, т. е. возбуждения уголовного дела в отноше-

нии конкретного лица или привлечения его в качестве подозреваемого, ссылаются на постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года, из которого цитируют: «При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела» [28, с. 744].

Думается, о правильности такой позиции свидетельствует и изменение названия и редакции ст. 299 УК РФ, которая до 2016 года носила название «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», а с декабря 2016 к этому названию добавлено «... или незаконное возбуждение уголовного дела». И пусть незаконное возбуждение уголовного дела относится только к предпринимательской сфере, но законодатель «связал» этот момент именно с незаконным привлечением к уголовной ответственности, косвенно подтверждая идентичность незаконного возбуждения уголовного дела и незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Такой подход к пониманию начала действия уголовной ответственности помогает правильно определить и момент окончания преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности». Констатировать единое мнение о моменте окончания и этого преступления, увы, не представляется возможным. В целом ряде комментариев к УК РФ в отношении данного состава утверждается, что «... преступление следует считать окончанным с момента вынесения и подписания мотивированного постановления о прекращении дела с освобождением лица от уголовной ответственности» [22, с. 695; 17, с. 542; 29, с. 622; 30, с. 914–915]. Л. В. Иногамова-Хегай в учебной литературе утверждает: «Нельзя согласиться с мнением, что формой незаконного освобождения от ответственности является вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела... На стадии возбуждения уголовного дела нет ни подозреваемого, ни обвиняемого» [23, с. 607]. Подозреваемый и обвиняемый упоминаются потому, что они названы в диспозиции ст. 300 УК РФ как лица, в отношении которых может быть принято решение о незаконном освобождении от уголовной ответственности.

В то же время в учебнике, изданном намного позже процитированного, в характеристике объективной стороны этого же преступления читаем: «Состав преступления является формальным, оно считается окончанным с момента вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела и уголовного преследования» [28, с. 745–746].

Ю. И. Кулешов, будучи несогласен с таким подходом, в посвященной этой проблеме публикации, тем не менее, приводит шесть учебников по Особенной части уголовного права под редакцией известнейших ученых, в которых момент окончания незаконного освобождения от уголовной ответственности так же связывается с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [31, с. 107].

Такие разночтения возникают, как представляется, из-за негативного фактора, присутствующего в конструкции данного состава, когда допущено использование сочетания уголовно-правовых и уголовно-процессуальных терминов. Указание законодателем конкретных участников уголовного судопроизводства — подозреваемого и обвиняемого — как лиц, только в отношении которых и может быть принято решение о незаконном освобождении от уголовной ответственности,

сужает круг лиц, фактически подлежащих привлечению к уголовной ответственности, но еще не получивших статус подозреваемого или обвиняемого. Именно такая оговорка законодателя и позволяет отвергать незаконный отказ в возбуждении уголовного дела в отношении таких лиц в качестве момента окончания анализируемого состава преступления. В то же время, высшая судебная инстанция в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», указывает, что «... освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)». Естественно, если к тому есть законом предусмотренные основания. Но, если таких оснований нет, а лицо, фактически совершившее преступление, уполномоченными представителями государства освобождается от обязанности понести лишения и ограничения, связанные с совершением преступления, то, почему в этом случае это лицо (фактически преступник) обязательно должен быть лицом с процессуальным статусом подозреваемого и обвиняемого. Если на момент принятия решения были собраны необходимые данные, подтверждающие наличие в деянии конкретного человека определенного состава преступления, но вместо возбуждения уголовного дела умышленно вынесено постановление об отказе в таковом, разве этого недостаточно, чтобы считать рассматриваемый состав преступления окончанным.

И вот на что еще необходимо обратить внимание. Оставляя в диспозиции ст. 300 УК РФ указания на подозреваемого и обвиняемого, законодатель провоцирует следователя и дознавателя до акта незаконного освобождения от уголовной ответственности совершить, возможно, и другие преступления. Ведь если уполномоченные лица «задумали» незаконно освободить от уголовной ответственности совершившего преступление человека, то они согласно действующей редакции статьи сначала должны придать ему статус подозреваемого или обвиняемого. А это может быть связано с необходимостью задержания лица, что является в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ основанием для придания лицу статуса подозреваемого, или необходимостью избрания меры пресечения (может быть, и заключения под стражу) до предъявления обвинения, что также «материализует» подозреваемого (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). То есть, прокладывая себе путь к совершению незаконного освобождения от уголовной ответственности, следователь и дознаватель попутно совершают другие преступления: незаконное задержание, незаконные заключение под стражу и содержание под стражей (ст. 301 УК РФ).

Чтобы лицо в ходе предварительного следствия стало обвиняемым, в отношении него нужно составить постановление о привлечении его в качестве такового (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). А мы помним, что именно на таком моменте и настаивают определенные процессуалисты, как на моменте окончания преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. То есть, зная, что уголовное дело нужно будет прекращать (раз решено незаконно освободить от уголовной ответственности), следователь, тем не менее, вынужден составить еще один незаконный процессуальный акт — постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в котором ему следует сформулировать обвинение, заранее зная, что впоследствии от этого обвинения нужно будет отказаться, вынося постановление о прекращении уголовного

дела или уголовного преследования с целью незаконного освобождения от уголовной ответственности.

Дознавателю, чтобы наделить участника процесса статусом обвиняемого, нужно полностью провести дознание или в общем порядке, или в сокращенной форме, и лишь в конце расследования вынести обвинительный акт (п. 2 ч. 1 ст. 47 УПК РФ) или составить обвинительное постановление (п. 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ), которыми и оформляется статус обвиняемого. То есть, дознаватель оказывается вынужденным в ходе всего расследования фальсифицировать доказательства (ст. 303 УК РФ), чтобы потом иметь возможность прекратить уголовное дело, незаконно освобождая обвиняемого от уголовной ответственности. Ситуация напоминает абсурд, но, согласно конструкции анализируемого состава преступления, абсурд вполне возможный!

В этой связи позволим себе еще раз сослаться на сделанный одним из авторов настоящей статьи в ранее указанной публикации вывод, позволяющий избежать спрогнозированной ситуации. С целью устранения разночтений и для придания составу незаконного освобождения от уголовной ответственности «рабочего» состояния следует из признаков объективной стороны исключить упоминание о подозреваемом и обвиняемом. В измененной конструкции состава предусмотреть ответственность не за незаконное освобождение от дискуссионной уголовной ответственности, а за конкретные незаконные действия, ведущие к такому освобождению: незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, незаконные прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

Хотя и сегодня, при действующей редакции ст. 300 УК РФ, в последних комментариях к УК РФ разъясняется, что по смыслу этой статьи решение об освобождении заведомо виновного лица от уголовной ответственности может быть принято в отношении лица, по поводу которого существуют основания для подозрения или обвинения в совершении преступления, независимо от наличия или отсутствия конкретного процессуального решения, наделяющего это лицо соответствующим статусом (см. ст. 46, 47 УПК РФ), в связи с чем наличие состава незаконного освобождения от уголовной ответственности может быть констатировано, в том числе, в случае безосновательного отказа в возбуждении уголовного дела [32]. Но такой вывод всё равно базируется на предположении и не позволяет считать его единственно правильным. Предложение авторов данной статьи, как представляется, позволит уйти от разночтений в констатации наличия преступного факта в действиях уполномоченных на принятие решений об освобождении от уголовной ответственности должностных лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание. — Москва, 1963.
2. Варпаховская, Е. М. Спорные вопросы соотношения категорий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» / Е. М. Варпаховская, А. А. Радченко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2007. — № 2 (2). — С. 55-56.
3. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский — Москва: Юрид. лит-ра, 1974.

4. Сагитдинова, З.И. Состав привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности в аспекте взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права // З.И. Сагитдинова, В.П. Ефремов // *Право и государство: теория и практика*. — 2012. — № 12 (96).
5. Келина, С.Г. Понятие уголовной ответственности // *Курс российского уголовного права. Общая часть* / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. — Москва: Спарк, 2001.
6. Уголовное право: учебник для юридических вузов / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д. ю.н., проф. Н.И. Ветрова, заслуженного деятеля науки РФ, д. ю.н., проф. Ю.И. Ляпунова. — [2-е изд., испр. и доп.] — Москва: Юриспруденция, 2001.
7. Гальперин, И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. — Москва: Юрид. лит-ра, 1972.
8. Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. — Рязань: Рязан. высш. шк. МВД СССР, 1976.
9. Стручков, Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
10. Лапатников, М.В. Дискуссионные вопросы соотношения уголовной ответственности и привлечения лица в качестве обвиняемого (часть 1) / М.В. Лапатников, Н.В. Летёлкин // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. — 2021. — №2(54). — С. 79–84.
11. Уголовное право России. Общая часть: учебник под ред. А.И. Рарога. — Москва: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1998.
12. Ковтун, Н.Н. Диалектика уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в контексте сути, содержания и процесса реализации уголовной ответственности // *Российская юстиция*. — 2022. — № 1. — С. 36–40.
13. Наумов А.В. Некоторые аспекты соотношения УК РФ и УПК РФ // *Государство и право*. — 2002. — № 10. — С. 91–96.
14. Флетчер Дж., Наумов А.В. Современные концепции уголовного права. — Москва, 1998.
15. Бойков, А.Д. Новый УПК РФ, его правовая и криминологическая характеристика // *Государство и право*. — 2002. — № 9. — С. 87–96.
16. Строгович, М.С. Уголовный процесс. — Москва: Юриздат, 1964.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. — Москва: Вердикт, 1996. — 648 с.
18. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Вопросы и ответы / под ред. А.С. Михлина. — Москва: Юриспруденция, 2000.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермаков [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог. — [5-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: ТК «Велби», Проспект, 2008. — 672 с.
20. Курс советского уголовного права: в 6 т. — Т. 6. — Москва, 1971.
21. Уголовное право: учеб. для юридических вузов / под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. — Москва: Юриспруденция, 2001.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ген. прокурора Российской Федерации, профессора Ю.И. Скуратова и Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. — Москва: Изд. группа ИНФРА-М — Норма, 1996. — 832 с.

23. Уголовное право РФ. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — Москва: Инфра-М, Контракт, 2006.
24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. д. ю. н., профессора С. В. Дьякова и д. ю. н., профессора Н. Г. Кадникова. — Москва: Юриспруденция, 2008. — 872 с. (Автор комментария к исследуемой статье: Коробейников Б. В.).
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — [14-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Юрайт, 2014. — 1077 с.
26. Бархатова, Е. Н. Доктринальные вопросы уголовной ответственности в российском уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8. — С. 128–135.
27. Ратьков, А. Н. Уголовная ответственность: одна — в теории, другая — на практике // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. — Москва: ТК «Велби», Проспект, 2007. — С. 70–74.
28. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. — Москва: Контракт, 2015. — 928 с.
29. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — Москва: Юрайт, 2001.
30. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. — М.: Эксмо, 2005.
31. Кулешов, Ю. И. Незаконное освобождение от уголовной ответственности: проблемы уголовно-правовой регламентации и практики применения ст. 300 УК РФ // Бизнес в законе. — 2006. — № 1–2. — С. 106–108.
32. Комментарий к ст. 300 УК РФ. — URL: <https://stykrf.ru/300> (дата обращения: 05.02.2023).

Razina E. V.

*candidate of pedagogical sciences, Dean of the Faculty of Law,
Sochi Institute (branch) Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia*

Ratkov A. N.

*PhD in Law, Associate Professor, Sochi branch All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

THE PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE THEORETICAL DEFINITION OF THE CATEGORY "CRIMINAL RESPONSIBILITY"

Having analyzed the existing definitions of the category of "criminal responsibility", the authors come to the conclusion about the correct approach to its understanding as a multi-element phenomenon, which is realized only as a result of criminal procedural activities and aimed at bringing people to the criminal responsibility. They show the practical significance of the correct theoretical definition of the category under study using the example of such elements of a crime as bringing a knowingly in-

nocent person to criminal liability (Article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation) and illegal release from criminal liability (Article 300 of the Criminal Code of the Russian Federation). As a result of the analysis of these elements of a crime, the conclusion about the moment of their termination is substantiated and amendments to the wording of Article 300 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed in order to eliminate discrepancies in determining the moment of termination of illegal exemption from criminal liability.

Key words: criminal liability; corpus delicti; duty; conviction; punishment; previous conviction; criminal prosecution; a criminal case initiation; a criminal case termination; an involvement as an accused.

